

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И О НАПОЛЕОНЪ I (*).

„Воспоминанія“ графини Шуазель Гуеъ начинаются апрѣлемъ 1812 года, когда императоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ находилась главная квартира первой арміи. Графиня Тизенгаузъ было въ это время семнадцать лѣтъ. Какъ дочь польско-литовскаго магната, она естественно вращалась въ тогдашнемъ высшемъ виленскомъ обществѣ, была свидѣтельницею всего, что происходило въ Польшѣ въ эту знаменательную эпоху, нерѣдко удостоивалась чести бесѣдовать съ императоромъ Александромъ, говорила съ Наполеономъ и, не-

(*) *Réminiscences sur l'empereur Alexandre I et sur l'empereur Napoleon I, par M-me la C-esse de Choiseul-Gouffier née C-esse de Tuzenhaus. Paris 1862.* (Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I и о Наполеонѣ I графини Шоазель-Гуеъ, рожденной графини Тизенгаузъ. Парижъ 1862.) Хотя на заглавномъ листѣ этой книги и выставленъ 1862 годъ, но какъ въ продажѣ у насъ она появилась только въ 1865 году, то для большинства нашихъ читателей „Воспоминанія“ графини Шоазель, конечно, оставались неизвѣстными. Изъ предисловія видно, что еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ 1827 году, графиня издала свои воспоминанія собственно объ императорѣ Александрѣ I, подъ заглавіемъ „Souvenirs sur l'empereur Alexandre“, что книга эта давно сдѣлалась библиографическою рѣдкостью и что настоящее, второе, изданіе „Воспоминаній“ предпринято ею по убѣжденію многихъ и притомъ, какъ она говоритъ, высоко-поставленныхъ лицъ. Если бы графиня Шоазель ограничилась въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ только личными впечатлѣніями и тѣми обстоятельствами, которыя касались собственно ея и ея родныхъ, то мы, конечно, не стали бы говорить о нихъ; но книга заключаетъ въ себѣ нѣсколько такихъ подробностей, которыя обрисовываютъ личность двухъ могущественныхъ государей-противниковъ и очерчиваетъ нѣны стороны тревозможной эпохи. Вотъ почему, давая мѣсто, на страницахъ нашего журнала, отзыву о книгѣ Шоазель-Гуеъ, мы обратимъ вниманіе на наиболѣе замѣчательныя или просто-интересныя страницы „Воспоминаній“. Но прежде два слова о самомъ авторѣ.

Графиня Шоазель-Гуеъ, рожденная графиня Тизенгаузъ (Тизенгаузенъ), принадлежитъ къ той древней графской фамиліи, одна отрасль которой водворилась въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, а другая поселилась въ Литвѣ и здѣсь совершенно опоялилась и окатоличилась. Дядь графини, литовско-польскій магнатъ, знаменитый своими богатствами, прославился при послѣднемъ польскомъ королѣ просвѣщенными стараніями поднять промышленныя и торговыя силы литовскаго края. Отецъ ея мужа былъ тотъ самый первый министръ Людовика XV, который, пользуясь польскими смутами, хотѣлъ возжечь войну на сѣверѣ Европы, съ цѣлію парализовать возрастающее могущество Россіи.

Ред.

смотря на свою молодость и тревожную пору, вела дневникъ, изъ отрывковъ котораго и составились „Воспоминанія“.

Извѣстно, что Наполеонъ, передъ самымъ вторженіемъ своимъ въ Россію, присылалъ въ Вильну своего дипломатическаго агента, графа Нарбонна, подъ предлогомъ объясненій съ императоромъ Александромъ, но въ сущности для того, чтобы выиграть время для своихъ окончательныхъ приготовленій и вывѣдать что-нибудь. Графиня Швазель представляетъ слѣдующую характеристику дипломата первой имперіи:

„Человѣкъ свѣтскій, веселый, ума пріятнаго, блестящаго, но вѣтрянаго, стыдился самой роли, которую игралъ, не имѣя рѣшительно ни такта, ни вѣрности взгляда, которые, впрочемъ, никогда и не встрѣчаются въ ложныхъ положеніяхъ, графъ Нарбоннъ былъ мало способенъ выполнить дипломатическое порученіе. Въ молодости онъ состоялъ въ качествѣ кавалера (*chevalier d'honneur*) при принцесахъ королевскаго дома, которыя неоднократно осыпали его благодѣяніями, такъ какъ онъ не имѣлъ состоянія, а между тѣмъ любилъ мотать. Когда же вспыхнула революція, Нарбоннъ, увлеченный г-жею Сталь и другими лицами, усвоилъ себѣ революціонныя идеи и явился неблагодарнымъ въ отношеніи принцессъ. Послѣ свитальческой жизни, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, онъ воротился во Францію въ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ захватилъ въ руки свои власть. Путемъ искательства и просьбъ, ему удалось получить сначала постъ посланника въ Мюнхенѣ, а потомъ званіе генералъ-адъютанта новаго императора. Выборъ Наполеона, въ настоящемъ случаѣ, палъ на Нарбонна потому, что онъ, въ средѣ этого совершенно-военнаго двора, былъ едва ли не единственный представитель, который сохранилъ прежнія утонченныя формы обращенія и тонъ рѣчи, дѣлавшій его достойнымъ быть выслушаннымъ такимъ просвѣщеннымъ и вѣжливымъ монархомъ, какъ императоръ Александръ. Несмотря однако на щеголеватую легкость выраженій, Нарбоннъ не могъ найти ни одного аргумента въ пользу своего государя на аудіенціи, данной ему Александромъ. Императоръ Александръ изложилъ съ такою ясностію, съ такимъ благороднымъ краснорѣчіемъ умѣренность своего поведенія, свои справедливыя неудовольствія, невозможность согласовать предложенія Наполеона съ честью своей короны, съ пользами своей имперіи, и желаніе избѣгнуть пролитія чедовѣческой крови, что Нарбоннъ, оше-

ломленный, смущенный, не могъ выговорить ни одного возраженія. Послѣ аудіенціи онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей: „Императоръ былъ столько твердъ въ правотѣ своего дѣла, доводы его были такъ сильны и здравы, что я могъ произнести лишь нѣсколько условно-попытокъ фразъ“ (que je n'ai pu me retrancher que dans quelques phrases banales de cour).“

Графиня Шоазель сообщаетъ также нѣсколько подробностей о томъ знаменитомъ балѣ, который пожелали дать императору Александру его генералъ-адъютанты. Помѣщеніе, предложенное для этого праздника супругою генерала Веллингсена (полькою) въ загородномъ домѣ Закретъ, оказалось тѣснымъ, и потому рѣшено было построить галерею съ колоннадами на лугу. Составленіе плана и самая постройка были поручены архитектору Шульцу, которому герцогиня Абрантесъ въ своихъ запискахъ приписываетъ преступный патриотическій замыселъ, осмыкаетъ его за то восторженными похвалами и величаетъ героемъ древности. Мы говоримъ объ обрушеніи построенной залы. „Не помню—замѣчаетъ по этому случаю графиня Шоазель—въ древней исторіи ни одного подобнаго при- мѣра, за исключеніемъ развѣ того, что Самсонъ потрясъ колонны пиршественной залы филистимлянъ. Но Самсонъ погубилъ вѣдь враговъ своего отечества, а здѣсь, при обрушеніи галереи въ Закретъ, г. Шульцъ, возведенный въ герцога-герцога Жюно, погубилъ бы, вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, многихъ генераловъ и цвѣтъ литовскаго дворянства, въ томъ числѣ и насъ, бѣдныхъ женщинъ, да и самыя жертвы были бы совершенно бесполезны, потому что великіе князья здравствовали. Надобно возстановить истину. Г. Шульцъ былъ чело- вѣкъ честный, тихій, нисколько не экзальтированный, но очень неискusstный архитекторъ. Это дѣло доказанное. Безпрестанно слышалось, что тамъ-то обрушился сводъ, въ другомъ мѣстѣ повалилась стѣна и т. п. Отецъ мой, весьма хорошо знавшій строительную часть, потому что много строился въ своихъ помѣстьяхъ, пріѣхавъ однажды въ Закретъ взглянуть на работы и замѣтилъ архитектору: „Господинъ Шульцъ, мнѣ кажется, что вы не довольно глубоко врываете въ землю бревна для вашихъ колоннъ“. — „Я скрѣплю колонны съ крышею“, отвѣчалъ Шульцъ. Спусти два дня, мы узнали, что галерея обрушилась (къ счастью, во время обѣда рабочихъ), а Шульцъ утонулъ въ Видин, мирно протекавшей водѣ. (Шляпу его нашли на бе-

регу), не отъ отчаянія, какъ утверждаетъ Абрагасъ, что преступный замыселъ не удался, но оттого, что его занодозрели въ томъ. Очень жаль, что онъ не имѣлъ довѣрія къ правосудію императора Александра, видѣвшаго въ этомъ небольшомъ несчастіи простую случайность.“

Праздникъ тѣмъ не менѣе состоялся. Все общество собралось на помостъ, оставшемся отъ галерей; дамы помѣстились подъ цвѣтущими померанцовыми деревьями, мужчины стояли. Посрединѣ былъ накрытъ столъ для закуски. Вечеръ былъ прекрасный; народъ, во множествѣ прибывшій изъ города и разсѣявшійся грунами по всему саду и по берегу рѣки, представлялъ пріятную и разнообразную картину, равно какъ и балное общество съ щегольскими нарядами дамъ и блестящими мундирами кавалеровъ. Въ восемь часовъ пріѣхалъ императоръ. „Онъ былъ прекрасенъ—разсказываетъ графиня Шоазель— въ мундирѣ Семеновскаго полка съ свѣтлосиними отворотами, возвышавшими цвѣтъ его лица, которому позавидовала бы женщина. На минуту государь остановился у стола, чтобы окинуть взглядомъ общество, поговорилъ съ моимъ отцомъ, котораго любилъ и отличалъ, а потомъ привѣтствовалъ дамъ, пригласивъ ихъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Послѣ закуски, его величеству предложили открыть балъ. Военная музыка, помѣщенная въ саду, заиграла полонезъ. Императоръ взялъ сначала г-жу Венигсенъ, хозяйку праздника, затѣмъ г-жу Барклай-де-Толли, супругу военнаго министра, и наконецъ меня. Послѣ одного или двухъ туровъ, поднялись въ большую залу, черезъ коридоры и галереи.... Государь уѣхалъ въ концѣ ужина; онъ не садился за столъ, но переходилъ отъ одной дамы къ другой съ веселымъ, по наружности, видомъ. Говорю „по наружности“: онъ уже зналъ, что въ то самое время, когда танцовали въ Закретѣ, въ восьмидесяти верстахъ отсюда совершалось гравдіозное, знаменательное событіе — Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ съ шестьюстами тысячъ солдатъ, изъ которыхъ только тридцати тысячамъ суждено было вернуться во Францію...“

Молодая графиня Тизенгаузъ, свидѣтельница вступленія французовъ въ Вильну, плакала отъ восторга и радости, когда съ балкона своего дома увидѣла уланскій полкъ князя Доминика Радзивилла. „Я чувствовала себя полькою!—восклицаетъ она.—Эта минута была восхитительна! но какъ скоро она кон-

чилась!“ Послѣ такого признанія нечего пояснять, что польская графиня увлеклась мечтами о возстановленіи Польши въ тѣхъ предѣлахъ, какія Рѣчь Посполитая имѣла до раздѣла; все это разумѣется само собою. Равнымъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что отецъ и братья графини, подъ вліяніемъ тѣхъ же мечтаній, поспѣшили перейти на сторону Наполеона, посулившаго столько благъ полякамъ. Удивительно только то, что въ оправданіе поступка своего отца и своихъ братьевъ графиня приводитъ оригинальный аргументъ: они-де были польскими подданными прежде, нежели стали русскими подданными!... Обратимся лучше къ фактамъ, передаваемымъ графинею.

Послѣ того, какъ муниципалитетъ Вильны встрѣтилъ императора французовъ съ распущенными значками и поднесъ ему ключи города, Наполеонъ поѣхалъ къ Зеленому Мосту, зажженному нашими войсками при отступленіи. Онъ приказалъ потушить пожаръ, исправить поврежденія, сѣсть на бревно, велѣлъ принести рабочимъ пива, самъ выпилъ стаканъ и сказалъ по-польски: „добре пиво!“ Затѣмъ, на своемъ арабскомъ конѣ, онъ взобрался на замковую гору, чтобы оттуда обозрѣть положеніе города. А между тѣмъ благодѣтели поляковъ хозяйничали посвоему въ окрестностяхъ Вильны: грабили церкви, осверняли священные сосуды, не щадили даже кладбищъ, безчестили женщинъ.... Авторъ прибавляетъ, что, по поводу такихъ неистовствъ, Наполеонъ выслушивалъ всѣ жалобы, щедро вознаграждалъ за то, что могло быть вознаграждено, и громовымъ голосомъ закричалъ своимъ военачальникамъ, согнувшимся передъ нимъ въ три погибели: „Господа, вы безчестите, вы губите меня!“ Грабителей разстрѣливали; но они шли на казнь съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, покуривая коротенькую трубку. Три дня французская армія нуждалась въ хлѣбѣ. Солдатамъ, расположеннымъ въ самой Вильнѣ, раздавали лепешки до того невыпеченныя, что, брошенныя въ стѣну, онѣ приставали къ ней. Старикъ Тизенгаузъ (отецъ автора) спросилъ гвардейца, стоявшаго на часахъ у квартиры маршала Леевра: „Какъ поживаешь, товарищъ?“ — „Очень плохо!“ отвѣчалъ усачъ мрачнымъ голосомъ. Кавалерія нуждалась въ фуражѣ; лошадей кормили свѣжею пшеничною травою; онѣ колѣли какъ мухи и трупы ихъ бросали въ рѣку. — „Уныніе овладѣло всѣми сословіями. Отецъ мой призадумался; эта

кампанія казалась ему кампанией неопытнаго молодого человѣка. Пошли, иногда и ничего небоищися, говорили, что они послѣдуютъ за Наполеономъ хоть въ адъ.... Да, въ адъ лядиной!...“ И вслѣдъ затѣмъ графиня изливаетъ свое негодование на Наполеона за то, что, при торжественномъ приѣмѣ варшавской депутаціи, онъ отдѣлался самыми неопредѣленными словами насчетъ возстановленія Польши; а еще болѣе за то, почему онъ, вмѣсто того, чтобы заключать тильзитскій миръ, не пошелъ прямо на Литву, когда русская армія была ослаблена....

Молодая графиня выказала даже нѣчто въ родѣ женскаго героизма предъ грознымъ полководцемъ: пожалованная не задолго передъ тѣмъ императоромъ Александромъ во фрейлины высочайшаго двора, она не согласилась снять съ себя шифръ при представленіи виленскихъ дамъ Наполеону, не смотря на всѣ убѣжденія своихъ родныхъ, не смотря на то, что другія ново пожалованныя фрейлины явились безъ знака своей придворной должности. „Мнѣ казалось новостью—говоритъ она—при настоящихъ обстоятельствахъ, когда императоръ Александръ былъ несчастливъ, пренебречь доказательствомъ его благодушія.“

„Мы собрались—разсказываетъ графиня—въ замѣкъ, и насъ звели въ залу, гдѣ былъ приготовленъ алтарь для служенія мессы. Виленскій епископъ стоялъ, въ ожиданіи, передъ этимъ алтаремъ. Мадмоазель Гедройцъ показала мнѣ издали, что сняла свой шифръ, а я показала ей, что явилась съ шифромъ. Графъ Коссаковский, мой дядя, замѣтилъ мнѣ:

— Вы поступили очень дурно: я не признаю васъ своею племянницею.

— Я знаю что дѣлаю, отвѣчала я.

„Наконецъ, мой отецъ, чтобы успокоить дамъ, обратился къ графу Нарбонну и къ графу Тюренню, которые сказали ему:

— Это очень красивая вещица, и тутъ нѣтъ ничего оштрафнаго!

„Итакъ, я должна была предстать предъ того Наполеона, который носилъ миръ въ своей головѣ и который *задымался въ старой Европѣ!*... Раздалось восклицаніе: „императоръ!“, и я увидѣла толстаго, коренастаго человѣка, въ зеленомъ мундирѣ, съ вымплою на груди, и въ бѣломъ жилетѣ. Окруженный маршалами, онъ выскочилъ словно пуля и сѣлъ на кресло передъ аналоемъ. Послѣ мессы, Наполеонъ выбѣжалъ съ такою же

быстротою, и дамы попросили перейти въ приемную залу. Началось представление. Когда назвали мнѣ моей тетки, она прибавила: „рожденная Потоцкая“.

— Какихъ Потоцкихъ? ихъ вѣдь много? спросилъ Наполеонъ.

— Сестра Владимира Потоцкаго.

„Это былъ герой семьи. Онъ на собственный счетъ соорудилъ, въ своихъ подольскихъ помѣстьяхъ, полкъ и присоединилъ его къ польской арміи, служившей во Франціи. Князь Доминикъ Радзивиллъ сдѣлалъ то же самое. Мой кузенъ, графъ Паць и многіе другіе богатые литвины уже давно служили во французской арміи, дрались противъ русскихъ, а между тѣмъ получали доходы со своихъ помѣстій, на которыя не было налагаемо ни секвестра, ни конфискаціи. Кузенъ мой собралъ такимъ образомъ миллионы и перевелъ ихъ въ Америку... Припоминая все это, думаешь, что читаешь „Тысячу и одну ночь“.

„Наконецъ дошла очередь до меня. Къ великому моему изумленію—и я сознаюсь въ томъ смиренно—видъ этого истиннаго чародѣя не произвелъ на меня того впечатлѣнія, котораго мнѣ слѣдовало бы ожидать послѣ того, какъ, нѣсколько лѣтъ прежде, я находилась въ экзальтаци, видя въ немъ рѣшителя судьбы Польши. Съ нѣжнѣйшаго дѣтства я была большою патриоткою и воображала себя другою Іоанною д'Аркъ. Когда же надежды поляковъ превратились въ иллюзію, Наполеонъ ничего не говорилъ воображенію молодой дѣвушки. Вся эта слава, купленная цѣною людей и крови, чтобы удовлетворить войнoлюбію и осуществить неосуществимую систему, внушала мнѣ лишь отталкивающее чувство.

„Устремивъ свой орлиный взглядъ на мой шиверъ, Наполеонъ спросилъ:

— Какой знакъ отличія носите вы?

— Знакъ отличія фрейлинъ императрицы россійскихъ.

— Стало быть, вы русская дама?

— Я имѣю только знакъ отличія русской дамы.

— Вашъ братъ служить въ легкоконномъ полку?

— Нѣтъ, государь, оба мои брата еще не служатъ...

„Обратясь затѣмъ ко всѣмъ дамамъ, Наполеонъ сказалъ; улыбаясь:

— Императоръ Александръ очень любезенъ: онъ обворожилъ всѣхъ васъ, mesdames! Добрыя ли вы польки?

„Дамы отвѣчали улыбкою и наклоненіемъ головы. Вообще Наполеонъ старался выказать притворныя чувства уваженія къ императору Александру, готовясь разорить Россію.

„При представленіи членовъ вилленскаго университета, онъ сказалъ ректору Снядецкому:

— Въ вы паллисты! Императоръ Александръ оказывалъ ли вамъ покровительство?

„Ректоръ сталъ говорить о щедротахъ Александра, о покровительствѣ его всѣмъ ученымъ, художественнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ.

— Да, онъ добрый государь, эмлюсоъ на престолѣ.

Вскорѣ потомъ Наполеонъ принималъ графа Шоазеля-Гуея и, разговаривая съ нимъ, спросилъ:

— Точно ли императоръ Александръ намѣренъ лично командовать своими войсками? Это прилично только такому старому солдату, какъ я. Сенатъ имѣетъ ли большую власть въ Россіи? Я желаю бы избѣгнуть пролитія крови; императоръ Александръ принудилъ меня къ тому несоблюденіемъ тильзитскаго договора. Но почему русская армія отступила такъ внезапно?

— Вѣроятно, по причинѣ быстроты марша вашего величества, отвѣчалъ Шоазель.

— Быстроты! о нѣтъ! Много потеряно времени отъ недостатка продовольствія. Мясо идетъ съ войсками, а хлѣбъ надо добывать... Вы удивляетесь, можетъ быть, моею блестящей свитѣ? Французамъ нужна представительность. Я говорилъ это моему тестю, императору австрійскому, который тоже выразилъ мнѣ свое удивленіе. Простота не можетъ быть пригодна солдату-высочку (soldat-parvenu), какъ она свойственна наследственному государю.... Повѣрите ли вы, что въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ я отставалъ вопросъ о наследственности престола? Право наследія выше неизвѣстныхъ случайностей избранія. Это хорошо доказала Польша.“

Такой языкъ въ устахъ такого человѣка смутилъ Шоазеля.

Вѣдственное отступленіе французской арміи черезъ Вильну происходило также на глазахъ автора. Графъ Тизенгаузъ, бѣжавшій отсюда вѣстѣ съ такъ называемымъ „временнымъ литовскимъ правительствомъ“, оставилъ дочь съ тѣмъ, чтобы она постаралась спасти его, своихъ братьевъ, свое достоиніе, и, если бы оказалось нужнымъ, ѣхала бы въ Петербургъ мо-

лить государя о милосердіи. Графиня рассказываетъ, что въ Вильнѣ подъ величайшимъ секретомъ говорили о провадѣ Наполеона чрезъ предмѣстья, о томъ, какъ онъ, при двадцати слишкомъ градусахъ мороза, завтракала въ своемъ экипажѣ, разговаривая съ герцогомъ Бассано, какъ между тѣмъ замерзъ его кучеръ, а герцогъ дела-Ронка-Романа, полковникъ неаполитанской гвардіи, отморозилъ себѣ тутъ же руки и ноги и лишился ихъ, потому что опустилъ въ горячую воду...

Кутузовъ, прибывъ въ Вильну, отдалъ молодой графинѣ визитъ въ полной формѣ и во всѣхъ орденахъ, пригласилъ ее къ себѣ на вечеръ и, представляя ее блистательному военному обществу, сказалъ: „Voici la jeune comtesse qui a porté le chiffre à la barbe de Napoleon“ (*). Вскорѣ потомъ и императоръ Александръ удостоилъ графиню Тизенгаузъ своимъ посѣщеніемъ, благодарилъ ее за „мужество, оказанное передъ тѣмъ, передъ кѣмъ трепетали даже мужчины“, со вниманіемъ выслушалъ всѣ подробности ея разсказа о Наполеонѣ и, между прочимъ, спросилъ: „Замѣтили ли вы свѣтло-сѣрые глаза Наполеона, пронизательный взглядъ которыхъ трудно выдержать?“

„Императоръ—свидѣтельствуетъ авторъ „Воспоминаній“—говорилъ объ этой войнѣ съ величайшею скромностію и съ строжайшимъ безпристрастіемъ. Я желала бы передать всякое изъ его словъ: они могли бы послужить урокомъ для государей. Онъ говорилъ, что „нельзя, не бывъ на его мѣстѣ, составить себѣ понятія объ отвѣтственности монарха, обязаннаго отдать Богу отчетъ за жизнь важдаго солдата, что эта война стоила ему десяти лѣтъ жизни, потому что онъ не руководствовался счастливою философіей Наполеона“.

— Я не пренебрегъ ничѣмъ—продолжалъ его величество—чтобы сохранить миръ и не проливать крови моихъ подданныхъ. Я принесъ громадныя жертвы для поддержанія торговли, безъ которой государство мое существовать не можетъ. Я посылалъ Балашева съ весьма выгодными предложеніями къ Наполеону, но Наполеонъ хотѣлъ войны во что бы то ни стало. Тогда мы положили слѣдовать предназначенному плану, и настойчивое исполненіе его увѣнчалось успѣхомъ. Я готовъ былъ скорѣе удалиться въ глубину моихъ владѣній, пожертвовать даже Петербургомъ, если бы оказалось нужнымъ, чѣмъ отказаться

(*) „Вотъ молодая графиня, которая не побоялась представиться Наполеону съ широкимъ!“

отъ плана, полюбившаго Наполеона. Мы не хотѣли рисовать сраженіями, имѣя дѣло съ грозною арміею; замѣшанною двадцатилѣтними войнами, предводимою опытѣйшими генералами и величайшими полководцами, таланты и геній котораго еще не обнаруживались въ невыгодномъ свѣтѣ....

„Императоръ объяснилъ мнѣ ошибки Наполеона, говорилъ о его гордости, столь пагубной для Европы, какъ государь истинно-просвѣщенный и истинно-человѣколюбивый, и прибавилъ:

— Какой карьеры лишился онъ! достигнувъ высшей славы, онъ могъ бы дать миръ Европѣ, и не сдѣлалъ этого. Очарованіе пало!

„Послѣднее слово императоръ повторилъ нѣсколько разъ въ теченіе вечера.“

Извѣстно, что, во время бала у Кутузова, повергнуты были къ ногамъ государя знамена, взятые у французовъ. „Я наблюдала — говоритъ авторъ — выраженіе лица Александра и не замѣтила даже тѣни удовлетворенной гордости; мнѣ показалось, что лицо его выражало какъ бы чувство сожалѣнія къ превратностямъ войны, что онъ какъ будто опасался наступить на эти знамена, почеркнвшія отъ дыма сраженій.“

При одномъ изъ посѣщеній, которыми императоръ удостоивалъ графиню Тисенгаузъ, онъ говорилъ о счастьи человѣчества, высказывалъ желаніе, чтобы всѣ люди любили другъ друга какъ братья, помогали другъ другу во взаимныхъ нуждахъ, чтобы свободная торговля служила связью общества, и оплакивалъ несчастіе монарха, который въ своихъ гуманныхъ стремленіяхъ встрѣчаетъ такъ часто холодность эгоистовъ, пренебрегающихъ, ради собственныхъ выгодъ, благомъ государства.

— Подъ-часъ мнѣ бываетъ такъ грустно—прибавилъ государь — что если бы и ногъ отказался отъ власти, то охотно отказался бы отъ нея: нѣтъ тяжелѣе моихъ обязанностей....

„Какъ поразительна была эта рѣчь въ устахъ государя, который только-что восторжествовалъ надъ своимъ грознымъ противникомъ, властелиномъ всей Европы!“ восклицаетъ графиня Швазель.

На слова графини о скорѣйшемъ заключеніи мира и о томъ, что не Наполеону будетъ принадлежать слава умиротворить Европу, государь сказалъ:— „Все равно: онъ или я, лишь бы миръ состоялся“—и прибавилъ:— „Очарованіе пало! Увидимъ,

кто лучше усмѣетъ заставить себя бояться или любить. Теперь и конишко истину словъ, сказанныхъ мнѣ Талейраномъ въ Эрфуртъ, что Франція нуждается въ мирѣ. Тогда я не вѣрилъ всѣмъ этимъ посѣдѣлымъ политикамъ, думалъ, что они разставляютъ мнѣ сѣти“.

Рѣчь коснулась потомъ современнаго воспитанія, которое государь находилъ крайне поверхностнымъ: „Наши молодые люди воображаютъ, что, выучившись танцовать и говорить по-французски, уже все знаютъ!“ Императоръ рассуждалъ также о философіи Вольтера, о Руссо, о Шатобрианѣ, о г-жѣ Сталь, о Кантѣ, о Песталоцци, объ алгебраической системѣ Пусендорфа, которая казалась ему черезчуръ напинальною, сковывающею мыслительныя способности.

Говоря объ упадкѣ нравственности, государь возмущалъ своего народа и воскликнулъ съ восторгомъ:

— О! „*mon бороды*“ лучше насъ! Между ними-то скрываются первобытныя, патріархальныя добродѣтели, истинная преданность монарху, отечеству. Мужички мои не поддались на призывку свободы, которую сулили имъ французы....

„Скромность этого государя — замѣчаетъ авторъ — всегда страдала, когда въ нему обращались съ какими-нибудь лестными словами. Я призналась, что мы съ подругою высккивали въ исторіи, какаго монарха можно было бы сравнить съ нимъ. Онъ не далъ докончить мнѣ.

— Оставьте комплименты, прошу васъ! сказалъ онъ, потупивъ голову.

„Мы заговорили о личности Наполеона, и я отозвалась, что рѣдко монархъ соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества.

— Однакожь бываютъ и исключенія, прибавила моя подруга, взглянувъ на императора.

— О, конечно! воскликнула я, ухватившись за ея мысль.

„Императоръ понялъ насъ, потому что покраснѣлъ и закрылъ лицо обѣими руками.“

Въ продолженіе этой же бесѣды, императоръ Александръ замѣтилъ: „Французамъ неизвѣстно, какъ мало уважаетъ ихъ Наполеонъ. Онъ самъ сказалъ мнѣ: вы не знаете французовъ; надобно держать ихъ, какъ я, въ желѣзной рукѣ.“

„Воспоминанія“ графини Шоазель оканчиваются годомъ смерти императора Александра. Она жила тогда во Франціи,

въ своемъ помѣстьѣ, близъ Эперна, и свидѣтельствуешь, что „Франція, столь многимъ обязанная Александру, не явила себя неблагодарною въ выраженіи своихъ справедливыхъ сѣтованій“. — „Даже въ самыхъ скромныхъ класахъ общества — говоритъ авторъ — преждевременная кончина монарха отозвалась грустію. Одна бѣдная крестьянка въ Шампани сказала мнѣ: — „Онъ былъ столько же добръ, сколько прекрасенъ!“ — Другіе говорили: — „Онъ спасъ, охранилъ насъ!“ — Какая надгробная рѣчь въ устахъ жителей той самой страны, куда Александръ внесъ свое оружіе!“

Приписывать серьезное значеніе „Воспоминаніямъ“ графини Шовзель, напримѣръ въ смыслѣ строго-историческаго матеріала, конечно, нельзя; историкъ можетъ почерпнуть изъ нихъ лишь весьма немногія крупныя. Правда, авторъ касается иногда и важныхъ историческихъ вопросовъ, но обсуждаетъ ихъ такъ, какъ въ силахъ обсуждать свѣтская барыня, образованная, по собственному ея признанію, безграмотными французскими гувернантками. Литературная отдѣлка „Воспоминаній“ небрежна: это болтовня именно свѣтской женщины обо всемъ, что попадетъ подъ руку, безъ всякой логической послѣдовательности. Слогъ, хотя подъ-часъ и живой, впадаетъ иногда въ напыщенность и въ ложную сентиментальность. Что же касается до политическихъ тенденцій графини, то и въ семьдесятъ лѣтъ, будучи французскою подданною, она осталась тою же полькою, какою была въ 1812 году, когда плакала въ Вильнѣ при видѣ польскихъ солдатъ, шедшихъ воевать противъ русскихъ. Облагодѣтельствованная россійскими государями въ лицѣ своего отца, братьевъ, сына и своемъ собственномъ, она, въ то же время, не признаетъ себя ничѣмъ обязанною Россіи, гдѣ родилась, выросла и гдѣ сынъ ея, французскій подданный, до сихъ поръ, въ видѣ исключенія, владѣетъ помѣстьями. Но спасибо и за то, что въ душѣ графини еще живетъ святое чувство благодарности къ памяти „великодушнѣйшаго, лучшаго изъ государей и людей“.

* * .